

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков

М. А. Рыблова

Для цитирования: Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.117>

На основе анализа материалов донской периодики второй половины XIX в., а также данных полевых этнографических исследований конца XX — начала XXI в. в статье определяются статус и функции вдов в донской казачьей общине и семье. Показаны кардинальные изменения в положении овдовевших женщин в хозяйственной и обрядовой сферах жизни, выявлены механизмы их адаптации к новому статусу. Определяющим фактором вдовства в народной традиции было его «переходное» состояние, а также «непарность». Данные качества, с одной стороны, вызывали настороженное отношение к вдовам, с другой стороны, семья и община стремились использовать те возможности (обычно относящиеся к ритуальным практикам), которыми обладали «непарные», как правило, исключенные из репродуктивной сферы, но зато более открытые сфере сакральной. Особенности военизированного уклада донских казачьих сообществ накладывали свой отпечаток на положение вдов-казачек в семье и общине. Они определяли их высокий статус, обусловленный главной общественной функцией — хранительницей воинской славы мужей. С этим были связаны и особые имущественные права вдов, и их активное участие в жизни общины, в том числе в казачьем самоуправлении. Община закрепляла за вдовами право на земельный надел умершего мужа и его имущество, за-

Марина Александровна Рыблова — д-р ист. наук, доц., Южный научный центр РАН, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; вед. науч. сотр., проф., Волгоградский институт искусств и культуры, Российская Федерация, 400001, Волгоград, ул. Циолковского, 4; ryblova@mail.ru

Marina A. Ryblova — Dr. Sci. (History), Associate Professor, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41, pr. Chehova, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; Leading Researcher, Professor, Volgograd Institute of Arts and Culture, 4, ul. Tsiolkovskogo, Volgograd, 400001, Russian Federation; ryblova@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южным научным центром РАН, номер государственной регистрации АААА-А20-120122990111-9.

The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment by Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, state registration no. АААА-А20-120122990111-9.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

щищала права вдовы и ее детей, ориентируясь не только на законодательство, но и на нормы обычного права. В казачьей среде сложились также формы психологической реабилитации вдов: включение их в обрядовую жизнь семьи и общины, поддержка через сообщества односумов (однополчан) и односумок (однополчанок). Эти механизмы давали возможность женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, найти новое место в социуме, открыть возможности для психологической реабилитации, духовной реализации и продолжения активной социальной жизни.

Ключевые слова: донские казаки, вдова, семейный и общественный статусы, обрядовые функции.

Widows in a Traditional Family and the Don Cossack Community

M. A. Ryblova

For citation: Ryblova M. A. Widows in a Traditional Family and the Don Cossack Community. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 279–292.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.117> (In Russian)

Based on the analysis of materials from the Don periodicals of the second half of the 19th century as well as data from field ethnographic studies of the late 20th — early 21st century collected in places of compact residence of the Don Cossacks, the article reveals the status and functions of widows in the Don Cossack community and family. The cardinal changes in the situation of widowed women in the family and community, in the economic and ceremonial spheres of life are shown, and the mechanisms for their adaptation to the new status are revealed. Features of the militarized way of life in the Don Cossack communities had an impact on the position of widows in the family and community. They determined their high status associated with the main social function — the guardians of the military glory of husbands. The special property rights of widows and their active participation in the life of the community, including Cossack self-government, were associated with this. The community secured widows' rights to land allotment of the deceased husband and his property, defended the rights of the widow and her children, focusing not only on legislation, but also on customary law. In the Cossack milieu, there were also forms of psychological rehabilitation of widows: their inclusion in the ritual life of the family and community, support through the communities of *odnosumy* (fellow soldiers) and *odnosumok* ("female fellow soldiers"). These mechanisms enabled women who found themselves in difficult life situations to find a new place in society, opened opportunities for psychological rehabilitation, spiritual realization and continuation of an active social life.

Keywords: Don Cossacks, Cossack widow, family and social status, ritual functions.

В последние десятилетия в отечественных гуманитарных науках получили широкое распространение исследования в области социальной истории, истории и культуры повседневности, частной жизни. Применительно к русскому народу растет интерес к формам организации его общественной жизни в дореволюционное время, изучаются социальные практики и повседневность представителей разных сословий. Активно исследуется положение и роль женщин в разные исторические эпохи, причем все чаще акцент делается на освещении особых женских статусов, связанных с кризисными жизненными ситуациями: разведенные, безбрачные, вдовы и пр. Реалии современной социальной жизни актуализируют интерес и ученых, и широкой общественности к народному опыту преодоления сложных жизненных коллизий в рамках семьи, крестьянской или казачьей общины.

Именно исследователи русской крестьянской общины впервые обратили внимание на особый статус вдов. Так М. М. Громыко отмечала и их двойственное положение, и особую заботу общинников о таких женщинах¹. Т. А. Бернштам, изучавшая половозрастной состав традиционной русской общины, относила вдов к группе «анормальных», называя так тех, у кого произошел некий сбой в реализации жизненного сценария, связанный с отклонением от того, что сообщество признавало нормой². Впоследствии специальные статьи, посвященные крестьянским вдовам, были опубликованы А. В. Гурой и Г. И. Кабаковой³, а также Н. Прокопьевой⁴.

Детальный анализ положения крестьянских вдов во второй половине XIX — начале XX в. был осуществлен З. Мухиной⁵. В 2000-х годах появились исследования статуса вдов (дореволюционного времени), проживавших в российских городах, а также относящихся к разным сословиям⁶.

Л. А. Тульцева исследовала статус и функции вдов в послевоенной русской деревне. Она показала их роль в гармонизации социально-психологической обстановки в сельской местности в тяжелые военные и послевоенные годы и отметила, что вдовы, будучи представителями наиболее информированного в области ритуальных практик поколения, опирались на вековой народный опыт преодоления кризисных ситуаций⁷.

Т. А. Бернштам, включившая вдов в группу анормальных, не дала четкого определения лиц, относящихся к этой категории, сделав отсылку к «мнению народа» («лица, считавшиеся с точки зрения народа анормальными») и перечислив далее: безбрачные, вдовы, солдатки, калеки и больные от рождения, женщины, родившие до брака и незаконнорожденные⁸. Однако вслед за этим всплывает проблема определения того, как в рамках русской народной традиции определялась социальная норма, по сути — какая жизнь (доля/судьба) признавалась нормальной (хорошо, правильно прожитой), а какая «анормальной»? Некоторые исследователи русской народной традиции отмечали, что важнейшим признаком «анормальных» была их «непарность» (овдовевшие, осиротевшие)⁹. Действительно, этот признак считался важным и в народной традиции; парность была связана, в свою очередь, с темой

¹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 31, 59, 60, 174.

² Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 39.

³ Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности: в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 293–297.

⁴ Прокопьева Н. Вдовство // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005. С. 86–90.

⁵ Мухина З. З.: 1) Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62–71; 2) Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Политика и Общество. 2013. № 3. С. 322–329.

⁶ Гончаров Ю. М. Одинокое женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 142–148; Моцидарская А. А. Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 308–311; Семенов А. М., Семенова О. А. Положение дворянской вдовы в России в XIX в. // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 98–106.

⁷ Тульцева Л. А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.

⁸ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. С. 39.

⁹ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде. С. 323.

плодородия/чадородия, и в более широком аспекте — с мировой гармонией. Но вновь возникает вопрос: была ли парность обязательным признаком социальной нормы? Ведь в какие-то периоды жизни человек должен был быть непарным, например до брака. По всей видимости, в народной среде придавалось большое значение фиксации состояния непарности в тех случаях, когда норма предписывала парность (обязательный брак по достижении брачного возраста, наличие у ребенка двух родителей и пр.). В крестьянской общине выделялись и подвергались особому социальному контролю, например, незаконнорожденные — до тех пор, пока они не усыновлялись; не вышедшие вовремя замуж девушки — до тех пор, пока они не осуществляли окончательный переход в группу безбрачных (например, *черничек*), а также вдовы — до тех пор, пока они не выходили вновь замуж. После этого, с одной стороны, вырабатывался целый ряд предписаний и запретов, направленных на то, чтобы нейтрализовать возможное негативное воздействие «непарных» на общину и природу. С другой стороны, община стремилась использовать те возможности (обычно относящиеся к ритуальным практикам), которыми обладали «непарные», как правило, исключенные из репродуктивной сферы, но зато более открытые сфере сакральной.

В то же время такой механизм давал возможность людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, найти новое место в социуме, открывал возможности для психологической реабилитации, духовной реализации и продолжения активной социальной жизни. Сравнивая положение овдовевших женщин в разных сословных группах Российской империи, можно заметить, что крестьянские общины уделяли им особое внимание не только в связи с их трудным экономическим положением, но и в силу особого семантического статуса.

Однако все подобные наблюдения и выводы делались преимущественно на материалах крестьянского мира. Что касается казачьей традиционной общины, а также положения, статуса и ролей в ней вдов, то до настоящего времени перечисленные проблемы остаются слабо исследованными. Между тем отдельные элементы этого механизма дошли до наших дней, несмотря на кардинальные трансформации и сломы, которые пережило казачество в XX в., и данное обстоятельство указывает как на значимость такого социального опыта, так и на необходимость его исследования.

Приступая к изучению положения вдов-казачек в дореволюционное время, я предполагала, что здесь непременно проявится собственно казачья специфика, так как общины казаков представляли собой военизированные сообщества, главной целью которых была подготовка мужчин к военной службе. Но вслед за этим вставали вопросы: значит ли это, что вдовы, как, впрочем, и другие женщины на Дону, оставались на периферии общественной жизни казаков? Или та самая казачья специфика должна была проявиться и здесь, обеспечив женам погибших или умерших воинов статус более высокий, чем в крестьянском мире? Какие механизмы работала казачья община для реабилитации овдовевших женщин; какие давала им возможности для активного участия в семейной и общественной жизни?

В поисках ответов на эти вопросы мною были использованы материалы периодики второй половины XIX в., а также данные полевых этнографических исследований в местах компактного проживания донских казаков, осуществлявшихся на рубеже XX и XXI вв. экспедициями Волгоградского государственного университе-

та, Южного научного центра РАН и в моих личных поездках по Дону. Привлекались материалы, собранные в 1870–1880-х гг. известными исследователями обычного права донских казаков М. Харузиным и П. Никулиным, работавшими со станичными архивами (не сохранившимися до наших дней) и обращавшими основное внимание на юридическое положение вдов-казачек¹⁰.

О том, что вдовство в период существования казачества как военно-служилого сословия было нередким уделом женщин, писал священник С. Т. Пивоваров, отмечая, что на Дону «в народонаселении в общем итоге всегда больше женского пола седьмою долею противу числа мужского пола». Он свидетельствовал, что на 10 вдовцов-мужчин в среднем приходилось 64 вдовицы¹¹. Если сравнить эту ситуацию с той, что была характерна для сельской России в целом, то станет понятным, что воинский статус мужчин-казаков в значительной степени повышал возможность для женщин-казачек стать вдовами. Так, материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. показали, что среди женского сельского населения России вдовы составляли 7,8%, а мужчины-вдовцы — 3,4%¹². В то же время нужно сказать, что в казачьих общинах и семьях вдовами становились не только те женщины, мужья которых умерли или погибли на войне. Исследователи казачьего быта XIX в. отмечали и распространение на Дону убийств одного из супругов другим¹³, хотя, безусловно, случаи эти были редкими.

Вдовство в народной традиции соотносилось с сиротством, обездоленностью, горькой печалью (ср. русские присловья «Вдовье дело горькое» и «Сирота я есть прегорькая»)¹⁴. Так на Дону *вдовушками* или *вдовками* называли растение календулу (*calendula*), в надземной части которого содержатся горькие вещества¹⁵. Переходный статус вдов в казачьих семьях отражен термином *пристарушица*, который указывал на то, что вдова могла быть и не старой по возрасту, но по своему положению в общине и семье приравнивалась к старухам.

Связывалось вдовство и с темой смерти (воспоминания об умершем супруге) и это нашло отражение в изменениях внешнего вида, одежды вдовствующих казачек. Они предпочитали темные цвета, голову обязательно покрывали платком. В то же время промежуточность положения вдов (особенно нестарых), помимо положения между тем и этим светом, проявлялось и в социальном смысле: иногда как положение между бесправной старухой и самостоятельной женщиной. Это отражено в словах нашей информантки: «Вот если вдова жила — пристарушица, деться некуда, то подчинялась и жила. Никуда ее отец не отделял. А какая шиковать начинала, эту выгоняют»¹⁶. В больших неразделенных семьях вдовы нередко лиша-

¹⁰ Никулин П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа // Донская газета. 1875. № 87; Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. М., 1885. С. 161–162; 199–201.

¹¹ И. Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова // Донская газета. 1884. № 10; Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871.

¹² Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. М.; Тула, 2009. С. 65.

¹³ Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. С. 189–192.

¹⁴ Березович Е. Л. «Вдова» и «сирота» в славянских языках // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Folia 90. Studia Russologica IV. Kraków, 2011. S. 17.*

¹⁵ Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 69.

¹⁶ Материалы этнографической экспедиции ВолГУ. 2000. Т. № 3. С. 35. Информант — Федорова М. И., 1927 г. р., хут. Морской Чернышковского р-на Волгоградской обл. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

лись отдельного спального места: спали вместе с маленькими детьми. Переходное и неопределенное положение вдовы отражено и в плачах жены по умершему мужу:

«Ты от младости меня увел,
Ты до старости меня не довел...»¹⁷

Вдовство считалось нежеланной участью, о нем загадывали и его старались избежать символическими средствами. Так, представление о «непарности» вдовы нашло отражение в запрете для молодых замужних женщин заплетать одну косу с пояснением: будешь вдовой. Вообще на Дону существовало немало примет, по которым определяли будущую судьбу как вдовство. Например, по народным представлениям, если вступали в брак люди, состоявшие в близком родстве, то кто-то из супругов должен был скоро умереть¹⁸; в момент венчания смотрели, чья свеча погаснет первой — тот из супругов первым и умрет¹⁹.

Однако, несмотря на соблюдение всевозможных предписаний и запретов, участь вдовы ждала многих казачек. Своеобразной подготовкой к такой участи для женщин были те периоды времени, когда их мужья находились на военной службе. В это время женщины, неслучайно получавшие особое наименование *жалмерок*, становились полными хозяйками в домашней сфере и пользовались многими послаблениями в поведении в семье и общине. Своеобразное переплетение понятий «жалмерка» (солдатка) и «вдова» отмечено и в украинской традиции: в малорусских песнях женщину, муж которой находился на войне, называли вдовой²⁰.

Интересно, что в мифопоэтической традиции казачьи героини и атаманы нередко предстают как дети, рожденные вдовой. Так, согласно казачьей песне, «благочестивая вдова» родила Степана Разина, а в донском варианте русской песни «Дети вдовы», опубликованной А. Пивоваровым в 1885 г., она имеет авторское название «Происхождение донского казачества»:

«Молодая удова
Да два сына родила:
Иванушку и Василья,
В китаечку повила
Да на Тихий Дон снесла»²¹.

Рожденные от «нечистого персонажа» (нередко предстающего в образе змея), вдовьи дети обречены на скитания и поиски своей доли-судьбы, что вполне соответствует концепту казачьей доли²².

Положение казачки-жалмерки в реальной жизни ярко описывал П. Никулин: «Властвовать в доме и распоряжаться по хозяйству матери-казачке не привыкать.

¹⁷ Полевая запись автора 1986 г. в станице Букановской Подтелковского р-на Волгоградской обл.

¹⁸ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. С. 95.

¹⁹ Материалы этнографической экспедиции ВолГУ, 1997. Т. № 2. С. 32–34. Информант — Черваков В. И., 1941 г. р., станица Тепикинская Урюпинского р-на Волгоградской обл. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

²⁰ Жданов И. Песни о князе Михаиле // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 13.

²¹ Донские казачьи песни / сост. А. Пивоваров. Новочеркасск, 1894. С. 1.

²² Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX века. Волгоград, 2006. С. 125–129.

Она несколько лет, при жизни своего мужа, находившегося на службе, с кучей малолетних детей, управляла расстроеным наполовину хозяйством, справой на службу и за 3 года не только устраивала хозяйство, но и приобретала что-нибудь. В это время, да и при муже, казачка несет на себе все мужские работы. Мало того, что косит сено, хлеб, но и успеет до зари выпечь пироги, отстрипаться, убрать дома и явиться с провиантом в поле, иногда верхом на лошади... Казак за все время своей службы, при ограниченном там содержании, присылать сколько-нибудь денег на поддержание хозяйства не может. Вот тут баба и оправдывай все, как знаешь. Отцы служат, и благодаря трудам матерей дети их с хлебом, а скот с сеном. Мать семейства — хозяйка, сама нанимает рабочих и рассчитывает, а когда подрастет сын, то она поручает ему»²³.

Отмечал П. Никулин также и то, что и в работе, и в управлении домохозяйством с казачкой не могла сравниться ни одна из «иногородних» женщин (не принадлежавших к казачьему сословию). Именно в силу такого положения женщин на Дону, по словам П. Никулина, среди казаков утвердилось мнение, что после смерти мужа вдова должна рассчитывать «за свой труд» «не по обычаю», а по закону на «половинную часть имения мужа»²⁴. Однако в реальной жизни имущественное положение овдовевших женщин складывалось по-разному и, как правило, именно согласно «обычаю», то есть нормам обычного права казаков.

Во всех без исключения случаях после смерти мужа казачка становилась единичной владелицей всего своего приданого, состоящего из *кладки* (свадебные подарки от жениха и его родных) и подарков, сделанных ее родственниками. Правило распространялось и на тех вдов, которые выходили замуж повторно. Об этом свидетельствовал П. Никулин: «Кладка всегда поступает в пользу вдовы — таков обычай. Вот пример и решение Сиротинского станичного суда. При совершении брака родителями невесты была выговорена кладка: шуба шелковая на курпийчатом меху с паречневым пухом, расхожая шуба, платок шелковый, два платья, два зимних платка, два летних, две юбки, одна кофта. Так записано в жалобе. Родным отцом положено на каравай две овцы. После смерти мужа свекр ничего не дает снохе потому, будто, что вышла замуж за другого. Станичный суд положил: так как казак Б. добровольно не пожелал удовлетворить невестку свою Феклу Ивановну, а из обстоятельств дела видно, что вышепоясненные вещи по сущей справедливости принадлежат ей, Ф. И., а потому взыскать все эти вещи с казака Б. и передать казачке Ф. Ивановой, а по первому мужу — Буровой»²⁵.

Таким образом, по нормам обычного права, вдова безусловно могла пользоваться лишь теми ценностями, которые были выделены ей во время свадебного обряда. Основную часть этого имущества составляли носильные вещи (шубы, платья и пр.) и незначительную — утварь и домашние животные, также подаренные на свадьбе.

Другие варианты имущественного положения вдовы определялись двумя основными факторами: наличие или отсутствие детей и повторное замужество. Все подобные ситуации также регулировались нормами обычного права, в спорных случаях разрешались станичными судами или судом почетных стариков.

²³ Никулин П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа // Донская газета. 1875. № 87.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Высокий статус в казачьих общинах (как и в крестьянских) имели те женщины, которые, овдовев, не выходили замуж повторно. Так, вдова, не имевшая детей и не выходившая вновь замуж, имела права на все имущество умершего мужа.

Особым было положение казачек, оставшихся вдовами после смерти мужа, находившегося в статусе *деда* — главы большой семьи (аналог крестьянского *большака*). В таком случае вдова становилась самовластной хозяйкой в доме, и лишь почувствовав, по старости, что больше не может справляться с обязанностями, передавала все полномочия в управлении семьей и домашним хозяйством старшему сыну. Однако и в этом случае она по-прежнему держала у себя семейные деньги и выдавала их сыновьям, требуя отчета о расходах. В случае семейных разделов мать-вдова могла отказать кому-то из сыновей в выделении его доли семейного имущества, если тот проявлял к ней «непочтение». Община в таких случаях вставала на сторону вдов²⁶.

Имущественное положение вдов, выходивших замуж повторно, разнилось в случаях наличия или отсутствия у них детей. Если вновь выходила замуж бездетная вдова, то родственники первого мужа могли заявить свои права на часть унаследованного ею имущества. По нормам обычного права донских казаков, такие требования правомерно было удовлетворить, но, как показывают материалы второй половины XIX в., на практике станичные суды либо предлагали сторонам решить вопрос «миром», либо становились на сторону вдов. П. Никулин описал одну из таких ситуаций: «...родные братья, урядники Семен и Григорий Сисекены, жаловались станичному суду в следующем: “после смерти родного их брата Савелия осталось у жены его Агафьи имение. Теперь Агафья вышла за второго мужа, казака Есаулова, и распоряжается братниным имением, заключающемся в доме, базном пристрое, кухне, рубленом амбаре, дровах, сене, скоте и разной домашней утвари. Из всего этого Сисекены просили станичный суд выделить ей часть, как вдове, а остальное предоставить в их пользование”. На предложение станичного суда покончить это дело миром стороны согласились, и Агафья уступила им один дом, и Сисекены в остальное не вмешивались»²⁷.

Далее знаток обычного права донских казаков писал о «боязни обидеть» вдов, которая нередко оказывала влияние на решения станичных судов: «Вообще принято бездетных вдов, выходящих во 2-й раз замуж, лишать частей из имения 1-го мужа, но боязнь обидеть и без того наказанную женщину и тем прогневить против себя судьбу, *заставляет* изменять этому правилу — *какая-б не была, а все ж жена и нельзя сравнять с работницей*»²⁸.

Пристальное внимание казачья община уделяла вдовам, имевшим детей. Дети вступивших в брак вдовы и вдовца назывались *сведенными* или *сводными*. При этом если дети были только с одной стороны, их называли *приведенными*, а если рождались после заключения брака — *вместными* или *новыми*²⁹. При повторном замужестве овдовевших женщин, имевших детей, возникала необходимость надления имуществом последних. И в таких случаях станичные суды еще в большей степени проявляли заботу о детях-сиротах, причем нередко отстаивая их права

²⁶ Никулин П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 79.

не только перед отчимом, но и перед матерью. Распорядиться же участью детей мать-вдова могла двояко: взять их в новую семью (при этом она могла как перейти в дом нового мужа, так и взять его на положение *примака, или водворца*); оставить детей в семье родственников умершего мужа. Во всех случаях община пристально следила за участью детей-сирот а если их права ограничивались матерью, то призывала потерпевших или их опекунов обращаться в станичные суды. Материалы станичных судов показывают, что при выделении матерями-вдовами части имущества своим детям последние получали обычно домашних животных (овец, коров, лошадей), сельхозинвентарь и часть урожая (зерно, сено и пр.)³⁰.

В то же время нередко общины вступались за вдов в случаях их бедственного положения. Например, известны приговоры станичных судов, которые предписывали, чтобы сыновья содержали своих престарелых матерей-вдов, несмотря на то что сами они находились в сложных жизненных ситуациях³¹.

Особыми правами обладали казачьи вдовы, имевшие более трех детей. Они по своему социальному положению приближались к мужчинам-казакам: участвовали на казачьем кругу с правом совещательного голоса, то есть фактически заменяли в общинной жизни погибших мужей. Что касается их имущественного положения, то оно определялось главной материальной ценностью в казачьих сообществах — земельным паем. Право на получение пая земли на Дону имели только лица мужского пола, так как именно «с земли» снаряжался казак на военную службу. Если малолетние казачки после смерти мужа получали половину земельного пая, то женщины, имевшие более трех детей, — полный пай.

Наконец, положение вдовствующих казачек, помимо норм обычного права, с середины 1880-х гг. определялось и законодательством. Так, «Положение о службе казаков» 1884 г. позволяло им выйти из «войскового сословия» (если они не имели доли в земельном наделе) без согласия станичного сообщества и семьи, а лишь при наличии свидетельства атамана о том, что они не состоят «под судом и следствием»³². Учитывая, что и в пореформенное время казаки оставались прикрепленными к своему сословию, а выход за его пределы был сопряжен с массой трудностей, такая льгота для казачьих вдов (при утрате прав на землю) была сопряжена с обретением совершенно нового социального статуса и новых жизненных возможностей. Впрочем, данные о количестве вдов, воспользовавшихся этой возможностью, в литературе и источниках отсутствуют.

Исследовавший обычное право донских казаков М. Н. Харузин отмечал, что казачьи вдовы довольно часто вступали в повторные браки (таких женщин называли на Дону *второбрачными* или *другомужними*). Он также обратил внимание на то, что мужья таких женщин нередко проявляли особую заботу о том, чтобы в случае повторного вдовства они не были обижены или обделены имущественно детьми мужа от первого брака или другими родственниками. Так, в станицах Ярыженской и Кепинской М. Н. Харузину рассказывали о том, что здесь нередко казаки, желающие обеспечить в случае смерти «свою второбрачную и бездетную

³⁰ Никулин П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа // Донская газета. 1876. № 45.

³¹ Два случая из семейной жизни // Донские войсковые ведомости. 1871. № 27.

³² Положение о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в оное // Казачий вестник. 1884. № 74.

жену от притеснений со стороны наследников», совершали купчую крепость, «будто жена у него все купила и заплатила деньги», чего на самом деле не было³³. В станице Малодельской, по словам исследователя, сердобольные мужья, желая защитить в случае своей смерти второбрачных жен от обид со стороны пасынков, еще при жизни строили им особые хатки, в которых они могли спокойно вдовствовать. Нередко казаки, вступая во второй брак, писали духовные завещания, отписывая все свое имущество женам-вдовам³⁴. Трудно делать какие-то определенные выводы из описанных этнографом ситуаций, но складывается впечатление, что связаны они были именно с большой распространенностью вдовства у казаков — не только первичного, но и вторичного.

Иногда вдовы вступали в повторный брак в качестве *сударок* (сожительниц), не оформляя его церковным обрядом («чтобы легче было ей с хозяйством справляться»). У казаков-старообрядцев, по словам М. Н. Харузина, дозволялось «два раза жениться на девушках, а в третий раз лишь на вдове, если казак желает взять из своих — раскольников, а если пожелает он и в третий раз жениться на девушке, то невесту нужно брать из православной семьи». При существовании запрета на «четвертый брак», опять же обращали внимание на вдов. Такие браки также не признавались церковью, но, как правило, одобрялись семьей, в том числе и по отношению к вдовцам («для того делают, чтобы честно жить, а не водиться с сударками») ³⁵.

Несмотря на бытовавшее снисходительное отношение к бракам вдов, те из них, которые не выходили повторно замуж, пользовались в казачьей общине особым уважением. Эта традиция, связанная с христианскими представлениями о вдове, как о праведнице, сохранялась и в послереволюционное время. В станице Усть-Хоперской мы записали рассказ казачки А. Е. Ананьевой: «У меня мужа убили на войне. А мне старухи приказывают: “Не влюбляйся в чужого мужа. И не ходи за чужого мужа замуж. Живи со своим дитем и со своим добром”. Четверо сватались. Я осталась 27-ми лет от мужа, а за меня четверо сватались. Нет, не пойду ни за кого! И так сама воспитала семимесячное дитя. И до сих пор живу. Вот как хотитя меня считайте: 87 лет живу. Вот как Господь меня спасает! А мужа могилку сынок потом нашел. Его на войне убили. Его 17-го сентября 1941 года забрали, а 2-го июня убили. Прислали извещение — убитый. Ну, и все. Где-то похоронили. А сын уж вырос большой. Пришел из армии и ездил, могилку глядел. Вот, село Герасимовка, там убитый, и могилка там. Ананьев Павло Михалыч. Приехал сын, рассказывает: “Мам, нашел могилу отцову”. Бог его знает, злые ли люди, али нет, а побили. Ведь это ж не одного его убили, а миллионы побили человек-то, людей. На войне — это война. Тах-то, жалкие мои. Господа Бога признайте и молитесь. А я никому зла не мстила. И мстить не буду во век свою жизни, по век гробовой доски. Вот это мне Господь сказал. И никому зло не мщу. А только: “Спаси меня, Господи!” — да и все»³⁶.

«Правильно содержащие» себя вдовы приравнивались по статусу к девам, или женщинам, утративших детородные функции. Приписываемая им ритуальная чистота реализовывалась, например, в обычае приглашать вдов обмывать покойни-

³³ Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. С. 199.

³⁴ Там же. С. 201.

³⁵ Там же. С. 61.

³⁶ Полевая запись автора 2000 г. в станице Усть-Хоперской Серафимовического р-на Волгоградской обл. Информант — А. Е. Ананьева.

ков. Эта обязанность считалась в казачьей общине очень почетной. В народе верили, что человеку, обмывшему покойника, прощается 40 грехов.

Вдовы (а также старые девы) могли быть избраны общиной на станичном или хуторском сборе в просвирни, за что они получали особую плату. Особо оговаривалось: будут они топить печи при выпечке просфор своими дровами или полученными от общины. В некоторых станицах просвижня сама обходила дворы и собирала муку; в других это делали специально назначенные люди. Просвиры выпекались один раз в неделю, перед воскресной службой, а остаток просвир вдова могла забирать себе³⁷. Подобная общественная обязанность возлагалась на тех вдов, которые сохраняли свою «женскую чистоту».

К числу особых практик выживания, используемых вдовами-казачками, можно отнести существовавшие в каждом поселении особые сообщества вдов-односумок. В эти сообщества входили вдовы казаков, служивших в одном полку и называвшихся *односумами*. Сакральный смысл понятий *односум* и *односумство* для казаков хорошо известен и раскрыт во многих источниках, относящихся к их военной истории. За тривиальной общей сумкой с продуктами стояло понятие общей доли-судьбы — базовое в русской народной традиции. У казаков односумство в военных условиях приравнилось к духовному родству. Отсюда становится понятным значение и женских, в том числе вдовских, односумств. Состоявшие в них вдовы всячески поддерживали друг друга и в то же время часто получали поддержку от однополчан своих погибших мужей. Помощь односумов вдовам своих погибших товарищей могла быть самой разнообразной: хозяйственной (при пахоте и засеивании пая, уборке урожая, сенокосе и пр.), денежной, моральной и пр. В частности, односумы могли взять у вдовы сыновей «в зятя», что избавляло ее от дорогих расходов на свадьбу, так как в этом случае все они покрывались стороной невесты³⁸. Так жизненные практики мужского воинского содружества распространялись и на женщин. Жен своих погибших сослуживцев и казаки-мужчины также именовали уважительно односумками, включая их в свое мужское объединение.

Многие источники свидетельствуют о том, что казачьи вдовы трепетно сохраняли память о погибших мужьях, стремясь передать ее своим детям. Именно вдова получала и хранила личные вещи погибшего, например казачью фуражку в переднем углу дома, фотографии.

В рамках казачьей общины вдовы нередко пытались взять на себя и обрядовые функции своих погибших мужей. О функции замещения вдовами образовавшихся лакун в системе передачи мужских традиций от поколения к поколению писала, например, Т. С. Рудиченко, отмечая, что в некоторых поселениях вдовы собирались по праздникам на перекрестках и пели казачьи мужские песни³⁹. Вместе с тем существовал и особый «вдовский» репертуар: набор песен с сюжетами о гибели на войне милого или мужа («Где солнце, оно закатилось», «Где летал ты, черный ворон...» и др.).

Свое место находили вдовы и в обряде встречи казаков со службы. П. Сонин, описывавший в 1860 г. встречу казаков из военного похода в станице Грушевской,

³⁷ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. С. 202.

³⁸ Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871. С. 35.

³⁹ Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004. С. 193.

свидетельствовал, что в то время как семьи радостно приветствовали вернувшихся, вдовы составляли свой особый кружок и пели, «плача, заунывными голосами»:

«Как и все ли мужья назад возвратилися
К своему ли отцу, матери,
К молодой жене, к милым детушкам;
Моего-то Ивановича вот как нет, так нет;
Положил головушку на чужой сторонушке,
Басурманской земле...»⁴⁰

Обычно именно в домах старых женщин или вдов собиралась молодежь для проведения зимних посиделок (у казаков это называлось *сиделки*). В таких случаях старухи и вдовы следили за соблюдением молодежью принятых норм поведения и межполового общения, а также получали некую плату за аренду (обычно в виде топлива для печи или продуктов). Вместе с тем, как и в крестьянских общинах, у казаков вдовы (как «непарные») были ограничены в некоторых аспектах обрядовой жизни, например не должны были принимать активного участия в свадебном обряде: выпекать каравай, быть *свашкой* и пр.⁴¹

Пристальное внимание уделяли члены семьи и общины психологическому состоянию овдовевших женщин. Принималось во внимание то обстоятельство, что мужья казачек часто гибли на войне и не всегда были похоронены в родных местах. Отсутствие возможности проститься с погибшим мужем по всем правилам похоронного обряда и невозможность приходить на его могилу в так называемые «поминные дни» нередко вызывало у женщин-вдов состояние тяжелой депрессии. Широко распространенными в казачьей среде были рассказы о женщинах, тоскующих по погибшим мужьям и становящихся в силу этого добычей «нечистой силы». Речь идет о мифологическом персонаже — так называемом Огненном змее, приходящем (прилетающем) к таким женщинам в образе погибшего мужа и доводящем их до гибели⁴². Подобные рассказы в большом количестве записывались в этнографических экспедициях⁴³. Главная функция таких рассказов заключалась в том, чтобы научить вдов правильному поведению после смерти мужа (нельзя чрезмерно оплакивать погибшего или умершего, опасна чрезмерная тоска по нему и пр.), а также показать возможные пути решения возникшей проблемы.

Большинство собранных на Дону быличек об Огненном змее совпадают сюжетно с теми, которые записывались фольклористами и этнографами в русской крестьянской среде. В донских быличках речь идет о том, что на подворье сильно тоскующей женщины прилетал и рассыпался огненный шар, принимавший после этого человеческий облик. В образе мужа «нечистый дух» посещал по ночам жен-

⁴⁰ Сонин П. Второй рассказ Никиты Сливаева (Из быта донских казаков) // Московский вестник. 1860. № 28. С. 446.

⁴¹ Пономарев С. Луганская станица. Этнографический очерк // Донские областные ведомости. 1876. № 50.

⁴² Шкрылев Г. Несколько слов о народном суеверии // Донские областные ведомости. 1876. № 66.

⁴³ Полевая запись автора 1987 г. в хут. Заольховском Подтелковского р-на Волгоградской обл. Информант — О.Е.Бесхлебнова; полевая запись автора 1987 г. в хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл. Информант — О.В.Соловьева, 1926 г.р., хут. Бирюков Чернышковского р-на Волгоградской обл.; и др.

щину и сожительствовал с ней. Обычно близкие понимали, что женщину посещает «нечистый дух» по ее внешнему виду: она начинала чахнуть, а также отказывалась посещать церковь. Помогало таким женщинам обращение к «знающим» людям (*бабкам*), которые советовали нарисовать на окнах и дверях дома кресты. В таком случае Огненный змей не мог проникнуть в жилище и с громом и треском улетал; дальнейшие посещения прекращались. Были и другие способы: женщине советовали поджидать его прихода, сидя на крыльце с распущенными волосами, грызя конопляные семечки. На вопрос Огненного змея: «Что ешь?» — нужно было ответить: «Вшей», — после чего Змей задавал новый вопрос: «А разве люди едят вшей?» Правильным ответом был встречный вопрос: «А разве мертвые летают к живым?» После этого Змей рассыпался, а его визиты прекращались.

Один из записанных нами рассказов имел продолжение, выходящее за рамки жанра быличек, а также показывающее пример и вполне прагматической заботы членов семьи и общины о вдове, попавшей в сложную психологическую и духовную ситуацию: «Погиб муж, и она тосковала. И ее зовут в церковь, а она не идет ни в какую. Это уже Нечистый в ней сидит. И она плакала, двое детей у ней было. А люди начали советовать... наймите работника молодого... и этого работника отсылайте с ней, на поле, на гумно... И пусть они там живут. И пусть привыкает к нему. Она никакого мужчины не подпускала к себе... А ему сказали так: “Ты лежи вместе с ней, не приставай к ней... Ничего, а лежи и плачь. А она будет жалеть, она, как же, женщина, она жалеет, как дитя своего”. И она начала его гладить: “Ты чо плачешь, там Ваня или Петя?” А он говорит: “Я сирота, меня некому пожалеть”. И она начала жалеть. Чтобы мужа позабыть и чтоб она подпустила к себе мужчину, это делалось. И вот тут она начала его жалеть, и они начали жить как муж с женой. И после их повели в церкву. Отец, ну свекр, и свекровь начали говорить: “Ивановна, мы вас обвенчаем. И вы будите у нас жить”. Потому что у них два внука родных... И все, и она вошла в церкву, и обвенчали. Это все вышло из нее, всех этих бесов выбили»⁴⁴.

Таким образом, можно констатировать, что казачья община и семья уделяли пристальное внимание женщинам, оставшимся без мужей, не только защищая их имущественные и другие права, но и предоставляя возможности для психологической реабилитации, духовной реализации и продолжения активной социальной жизни. Особый статус казачьих вдов определялся двумя основными факторами: гендерной спецификой (более широкими правами и полномочиями женщин по сравнению, например, с крестьянской средой) и сословностью (необходимостью для казачьих семей готовить все новые поколения мужчин, способных нести военную службу).

Особенности военизированного уклада донских казачьих сообществ формировали относительно высокий статус вдов, обусловленный главной общественной функцией — хранительниц воинской славы мужей. С этим были связаны и особые имущественные права вдов, и их активное участие в жизни общины, в том числе в казачьем самоуправлении. Община закрепляла за вдовами право на земельный надел умершего мужа и его имущество, защищала права вдовы и ее детей, ориентируясь не только на законодательство, но и на нормы обычного права.

⁴⁴ Полевая запись А. В. Санеева и А. С. Старкова 1999 г. в хут. Тормосин Чернышковского р-на Волгоградской обл. // Личный архив М. А. Рыбловой.

Таким образом, вдовы либо сохраняли статус «анормальных», реализуя возможности «непарности» и ритуальной чистоты в обрядовой жизни семьи и общины, выступая в качестве хранительниц «казачьей славы» своих погибших или умерших мужей и находясь под опекой их односумов (равно как и всей общины), либо возвращались к положению семейных женщин, нередко получая защиту на случай нового вдовства.

References

- Berezovich E. L. "Widow" and "orphan" in Slavic languages. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Folia 90. Studia Russologica IV*. Krakow, 2011, pp. 15–21. (In Russian)
- Bernshtam T. A. *Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th — early 20th centuries*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 276 p. (In Russian)
- Verbitskaia O. M. *Russian rural family in 1897–1959*. Moscow, Tula, Grif & Co. Publishing House, 2009, 296 p. (In Russian)
- Goncharov Yu. M. Single women in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2011, no. 2, pp. 142–148. (In Russian)
- Gromyko M. M. *Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the 19th century*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 280 p. (In Russian)
- Gura A. V., Kabakova G. I. Widowhood. *Slavianskie drevnosti*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 293–297. (In Russian)
- Kozlova N. V. Economic activity and entrepreneurship of merchant wives and widows of Moscow in the 18th century. *Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii XVI–XVIII vekov. Sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2001, pp. 139–144. (In Russian)
- Motsidarskaia A. A. Widows of Siberian serving Cossacks in the 17th century. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, 2011, vol. 17, pp. 308–311. (In Russian)
- Mukhina Z. Z. A widow in the Russian peasant environment. Traditions and innovations (second half of the 19th — beginning of the 20th century). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2012, no. 4, pp. 62–71. (In Russian)
- Mukhina Z. Z. Legal status of a widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the 19th — early 20th century). *Politika i Obshchestvo*, 2013, no. 3, pp. 322–329. (In Russian)
- Prokop'eva N. Widowhood. *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illiustrirovannaia entsiklopediia*. St. Petersburg, Art-SPb Publ., 2005, pp. 86–90. (In Russian)
- Rudichenko T. S. *Don Cossack song in historical development*. Rostov-on-Don, Publishing House of the Rostov State Conservatory named after S. V. Rachmaninov, 2004, 512 p. (In Russian)
- Ryblova M. A. *Don brotherhood: Cossack communities on the Don in the 16th — first third of the 19th century*. Volgograd, VolGU Press, 2006, 544 p. (In Russian)
- Semenov A. M., Semenova O. A. The position of a noble widow in Russia in the nineteenth century. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2019, no. 2, pp. 98–106. (In Russian)
- Sonin P. The second story of Nikita Slivaev (from the life of the don Cossacks). *Moskovskii vestnik*, 1860, no. 28, pp. 444–447. (In Russian)
- Tul'tseva L. A. The widow's share. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 20–26. (In Russian)
- Kharuzin M. *Information about Cossack communities on the don*. Moscow, Tip. M. P. Shchepkina Publ., 1885, 388 p. (In Russian)
- Zhdanov I. Songs about Prince Michael. *Zhivaia starina*, 1890, issue II, pp. 3–23. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2019 г.

Рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Received: November 13, 2019

Accepted: December 10, 2020